

Роберт МИХЕЛЬС

К СОЦИОЛОГИИ ПАРТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ*

*Из любви к науке,
Ни к кому не во зло.*

Существуют люди, которые, в отношении политических и религиозных проблем, прежде всего, не могут слышать никакого мнения, не совпадающего с их собственным, без того, чтобы у них не стало учащенно биться сердце. Их я оставляю в покое. С ними не следует считаться, поскольку учащенное сердцебиение исключает работу мысли. Для таких — изначально не годных к любой научной деятельности — людей не подойдут излагаемые на следующих страницах принципы учения о внутренней, органической сущности партий, основанные на многолетних наблюдениях и исследованиях¹.

Большие комплексы проблем социальной жизни обострились, если не возникли, в последние полвека и приобрели значение, кото-

* Перевод выполнен по: Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Untersuchungen über die oligarchische Tendenzen des Gruppenlebens. 2. Vermehrte Auflage. Leipzig, 1925. S. V-XI. — прим. переводчика.

¹ Прилагаю некоторые сведения о внешней истории соответствующих моих исследований. В мае 1908 я сделал доклад «Демократия и социализм» в Новом университете Брюсселя. Текст доклада был опубликован на итальянском языке в «Riforma sociale» под названием «Органическая конституционная олигархия. Новые исследования о политическом классе» (Anno XIV, Bd. XVII, Heft 12, Serie 2) и, в существенно расширенном виде, на немецком языке в «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik» под названием «Олигархические тенденции общества. К проблеме демократии» (Bd. XXVII, Heft I. S. 73-135). В январе 1909 г. я сделал в социологических обществах в Граце и Вене доклад на тему «Консервативный принцип организации партии», который позже был опубликован в «Monatsheft für Soziologie» (I. Jahrg., April 1909 г.) и на итальянском языке в «Rassegna contemporanea» под названием «Демократия и «железный» закон олигархии» (Anno III, Nr. 5). В эту же зиму в

рое им ранее не было присуще. Тысячи серьезных ученых и охваченных энтузиазмом друзей человечества потратили немало усилий на распутывание этих вопросов и посвятили им всю свою жизнь. Были созданы грандиозные проекты их решения, проекты, связанные с громкими именами. Для решения национального вопроса и языковой проблемы, которые постоянно грозили Европе войной, а большинству государств — революцией, был выдвинут принцип национальности. В отношении народного хозяйства, в «социальном вопросе», который в еще большей степени угрожает спокойствию мира, так как не щадит ни деревни, ни города, ни любой местности и возникает даже там, где национальный вопрос не стоит, был выдвинут лозунг о праве на полный трудовой доход. Для решения проблем устройства общества и организации государства был предложен принцип народного суверенитета, этот краеугольный камень демократии, чье последовательное осуществление предполагает и одновременное решение национального вопроса, поскольку принцип национальности осуществим только на основе народного суверенитета. Но мысль, опирающаяся на исчерпывающий опыт, научила, что ни одно из этих решений не может быть реализовано столь полно, как это казалось в порыве первоначального воодушевления предложившим их энтузиастам. Принцип национальности, важность которого очевидна, наталкивается в своем применении на географические проблемы, как и на трудность установления естественных границ и часто на необходимость создания гарантий и, сверх того, вообще перестает действовать там, где нет или национальностей с развитым самосознанием, или там, где национальностей с развитым самосознанием живут друг подле друга в перепутанной пестроте чересполосицы. По поводу решения экономических вопросов сотня различных направлений социализма ожесточен-

моих лекциях в Туринском университете, в которых я рассматривал проблему кооперации в истории («La cooperazione attraverso la storia»), я также уделил внимание политическим партиям (cooperazione politica). В октябре 1909 г. я выступил в Туринской палате труда с докладом «Старые формы и новые идеи социализма», отпечатанном под названием «Психологический кризис социализма» в «Rivista italiana di sociologia» (Anno XIV, Heft III-IV). — Вышеупомянутые подробные ссылки на мои исследования, предваряющие настоящий труд я полагал необходимым дать из авторского приличия, поскольку элементы этих исследований содержатся в этом труде, но, с другой стороны, также и для того, чтобы указать на эти исследования читателю, который интересуется теми частностями, которые содержатся в них и на которые мы здесь не можем обратить внимание.

но спорит с сотней течений буржуазного реформизма. Формулу о трудовом доходе было гораздо легче выдвинуть, чем определить ее аналитически.

Комплекс тенденций, которые препятствуют осуществлению демократии, лишь с большим трудом можно распутать и педантично каталогизировать. И все же мы полагаем это достижимым с помощью индукции, но не посредством дедуктивного анализа. Эти тенденции коренятся в 1) сущности человеческой природы; 2) сущности политической борьбы; 3) сущности организации. Демократия ведет к олигархии, превращается в олигархию. Выдвинув этот тезис, мы далеки от того, чтобы высказывать уничтожающие оценки каким-либо политическим партиям или правительствам или делать упреки морального характера, лицемерно связанные с тем, чтобы дать кому-нибудь возможность осуществить какой-нибудь «проект». Как и все социологические законы, закон, который говорит об имманентном развитии во всех человеческих группах (Aggregate) подобия классов, находится по ту сторону добра и зла.

Что касается анализа демократии в отношении проявления в государственной жизни ведущих мыслей и учреждений, составляющих эту систему, исследование было уже осуществлено рядом ученых настолько полно, что к нему можно было бы добавить мало или ничего. Напротив, воздействие демократии на партийную жизнь до сих пор оставалось неизведанной (*jungferdulich*) землей.

В своем «Учебнике исторического метода» Эрнст Бернхайм признает только две специализированные отрасли рассмотрения истории, основанные на качественном измерении предмета: 1. История культуры в узком смысле слова как история развития форм социальной жизни и достижений труда, которые проистекают главным образом из частной деятельности; 2. Политическая история культуры как история развития государства и государственной жизни². Эта классификация истории культуры содержит лауну, настоятельная необходимость заполнения которой уже дала о себе знать и должно было бы быть сделано непосредственно с помощью дефиниции Бернхайма исторической науки как «науки о развитии людей как социальных существ в их разносторонней деятельности»³. Социальная, политичес-

² См.: Auflage. Leipzig, 1889. S. 38.

³ Bernheim, I. S. 90.

кая и культурная история последнего столетия предлагает наряду со старыми факторами индивидуума и государства⁴ новое явление. Сегодня индивидуум ведет свою вечную борьбу против официального (*konstituierte*) насилия все же в меньшей степени обособленно. Новым, третьим элементом выступила арена политической, социальной и культурной борьбы, порожденная интересами и ощущениями индивидов, но которая, обнаруживая во многих отношениях в своей структуре и в своих целях сходство с государством, могла бы быть названа индивидуализированным государством или даже государством в государстве. Этим третьим элементом, который показывает в новейшей истории приметы своего выдающегося влияния, сегодня является политическая партия.

Изучение и анализ политических партий образует отрасль науки, которая в качестве пограничной науки располагается между социально-экономическими, философско-психологическими и историческими дисциплинами, но как таковая бессмысленна, если не провозглашается последовательно и всесторонне. По мере роста и взросления современных партий более простая, историографическая, часть этой новой науки уже достигла как количественной, так и качественной зрелости. Почти каждая партия Европы имеет более или менее хорошо написанную партийную историю. Напротив, со второй, более сложной частью — анализом партий (*Parteiwesen*) — дело обстоит еще плохо. Настоящий том преследует цель быть первым шагом в движении к указанной дисциплине.

Нашей задачей должна быть попытка решения проблемы демократии. На деле нам может показаться, что демократия как движение и как образ мышления сегодня столкнулась с симптомами кризиса. Она встретилась с препятствиями, барьерами, которые находятся не только перед ней, но и в ней самой, преодолеть которые она смогла лишь в определенной степени.

Я поставил себе задачу чисто научного плана. Я попытался быть свободным от всех предрассудков и не давать влиять на мое перо ничему, кроме самих явлений общественной жизни. Хотя я и отдал мои лучшие годы делу демократии, я не сомневался в необходимости поместить ее на стол патологоанатома. При этом, хотя я и обнаружил новые перспективы и ранее не изведенные большей частью социаль-

⁴ Разрядка здесь и далее Р. Михельса. — прим. переводчика.

но-психологические законы, я охотно отказываюсь от того, чтобы предлагать «новую систему». Задача социологии как науки не столько в том, чтобы создавать системы, сколько в том, чтобы способствовать познанию, но не так, чтобы предложить решения проблем — многие проблемы, как индивидуальные, так и групповые, не предполагают никаких решений, они остаются в широком смысле всегда «открытыми» — а в том, чтобы, более того, представить материал, касающийся тенденций и контртенденций, оснований и контроснований, кратко говоря, дать с возможной безоговорочностью ткань структуры общественной жизни. Логической предпосылкой для всякого возможного прогноза является точный диагноз. То, что этот диагноз должен был быть поставлен, хотя и не исключительно, но все же преимущественно по живому телу леводемократических и социалистических партий является не «умышленным злом», а проистекло из самой постановки вопроса, поскольку доказательство посредством обращения к сущности правых партий было бы с научной точки зрения недопустимым упрощением задачи? и оттого доказательная сила исследования как таковая была бы ослаблена⁵.

Приступив к анализу вождизма в партиях при современной демократии, мы оказались отнюдь не на проторенной тропе. Из-за изобилия чрезвычайно рассеянного, представленного в ежедневных газетах и публицистике (*Flugschriftenliteratur*) в аморфной и тяжело воспринимаемой форме материала, к тому же и заимствованного из самых различных языковых сфер, трудности авторского и отчасти также и стилистического освоения могут показаться почти непреодолимыми. Я поэтому должен был отказаться от того, чтобы использовать этот материал во всей его широте, и довольствоваться тем, чтобы оставить не использованной большую часть подготовительных работ, благодаря которым для меня стали ясными показавшиеся самыми важными моменты. Если бы было достаточно времени и места и книга была бы сформирована не диспропорционально, то я бы каждое нижеследующее положение, сформулированное в тезисной форме, обосновал с помощью namного большего числа примеров из истории, чем то, что было использовано мной для иллюстрации этих положений. Кроме того, взгляд на мою картотеку создает представление, какой громадный материал в области науки о партиях еще дожидается своей очере-

⁵ Сравни: S.16.

ди. Но помимо переизбытка материала трудность моей задачи заключалась в чрезвычайной сложности и богатстве отношений самой проблемы, с которыми я столкнулся.

Я стремился, также и в отношении этиологии наблюдавшихся мной феноменов партийной жизни, оставить всем явлениям их собственную многостороннюю форму. Я охотно признаю то, что в частностях оптический обман абсолютно не исключен. Его возможность заключена в природе этой науки, которая должна заниматься явлениями, преимущественно еще существующими в наличной действительности либо находящимися рядом с ней, и которая, тем самым, необходимо лишена дистанции по отношению к предмету изучения, которая делает контуры четкими и придает силуэтам устойчивость. Поэтому я всегда открыт любой предметной критике, любому дельному совету и в случае необходимости при последующих изданиях книги для внесения поправок буду держать перо в готовности.

Турин, весна 1910.

Перевод А.Б.Рахманова

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ РАССМОТРЕНИЕ *

Если брать термин в строгом значении, то истинной демократии никогда не было и никогда не будет. Противоестественным было бы, если бы большинство правило, а меньшинство подчинялось.

Ж. Ж. Руссо «Общественный договор»

Вождизм (das Fьhrertum) является необходимым проявлением любой формы общественной жизни. Поэтому к компетенции науки не относится исследовать, является ли он добром или злом, или же в большей степени тем либо другим. Но, все же, нужно констатировать как с научной, так и с практической точки зрения, что вождизм в своем развитии не согласуется с существеннейшими постулатами демократии. Мы знаем, что закон исторической необходимости олигархии основывается, прежде всего, на фактических данных. Как и все другие законы науки, он должен быть выведен из опыта. Но, чтобы преодолеть его преимущественно дескриптивный, описательный характер и придать ему аналитически объясняющую силу, лишь благодаря которой формула и становится собственно законом, необходимо не только упорядочить и систематизировать эмпирически констатируемые явления, нужно, прежде всего, исследовать причины их возникновения. В этом и состояла задача нашего исследования. Причины олигархических явлений таятся в недрах демократической партии и, резюмируя еще раз, выглядят так: не говоря уже об организованности вождей и практике заключения между ними закулисных соглашений, как и о полной общей духовной инертности масс, они заключены в честолюбии (Geltungbedьrfnis) и преимущественно в технической необходимости вождей.

Процесс, который начинается с дифференциации функций, завершается тем, что вождь приобретает ряд качеств благодаря своему возвышению (Loslsung) над массой. Вожди, которые сначала возни-

* Данный фрагмент представляет собой третью, заключительную главу последнего раздела книги Р. Михельса. Перевод выполнен по: Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Untersuchungen ьber die oligarchische Tendenzen des Gruppenlebens. 2. Vermehrte Auflage. Leipzig, 1925. S. 503-513. — прим. переводчика.

кают спонтанно и свою работу выполняют даром и наряду с прочим, становятся профессиональными. За этим первым шагом следует далее и второй, потому что возникновение института профессиональных вождей (das Fьhrertum) является только прелюдией к возникновению института постоянных и бессменных вождей.

Возникший этим способом феномен олигархии объясняется отчасти психологически, то есть посредством изменений в душевной жизни, которые в ходе развития претерпевают личности, захваченные эти феноменом, но отчасти также из того, что можно было бы, хотя и в первом приближении, охарактеризовать как психологию организации как таковой, то есть из необходимости тактической и технической природы, которая проистекает из усиления всякой политически развивающейся дисциплинированной группы (Aggregat). Основной социологический закон, которому, безусловно, подчинены политические партии — слово «политика» здесь использовано в самом широком смысле — мог бы в его самой краткой формулировке звучать примерно так: организация есть мать господства избранных над избирателями, уполномоченных над уполномочивающими, делегированных над делегирующими.

Образование олигархий в недрах многообразных форм демократий является органической тенденцией, то есть тенденцией, которой необходимо подчинена любая организация, как социалистическая, так и либеральная. Уже Галлер заметил, что во всяком общественном отношении естественным образом устанавливается господство и зависимость¹. Тем самым любая партийная организация представляется могущественной олигархией, стоящей на демократических ногах. Повсюду выбирающие и выбранные. Но повсюду существует и власть выбранных вождей над выбирающими массами. Олигархическая структура здания скрыта за демократическим основанием. Здесь — должное, а там — сущее. Это субстанциальное различие еще полностью скрыто от масс. Социалисты, например, твердо и искренне верят, что новая политическая элита будет держаться своих обещаний лучше, чем ее предшественники. Идея представительства народных интересов, которой упорно и с искренней верой придерживается все еще большее число демократов и особенно сплоченные рабочие массы в немецкоязычных странах, является совершенно ошибочным светом, миражом, призрачной идеей. Как Альфонс Доде нарисовал для нас на

¹ См.: von Haller Ludwig. Restauration der Staatswissenschaften. Winterthur. 1816. Vol. 1. P. 304.

одной из превосходнейших страниц своего анализа современного донкихотства образ бравого капитана Бравиды, который никогда не выезжал из Тараскона, но понемногу благодаря образовавшимся в нем под влиянием жаркого южного солнца силам самовнушения пришел к фантазии, что он якобы некогда был в Шанхае и пережил там увлекательные приключения², так же и в современном пролетарии под влиянием постоянно действующих на него сил могучего ораторского искусства превосходящих его культурно и риторически вождей формируется непоколебимая мысль, что ему нужно только выбрать своего представителя и передать ему защиту своих социально-экономических интересов, чтобы также и самому добиться «участия во власти»³.

С господством вождей в демократической и революционной партийной организации нужно считаться; горсть благоразумных так и поступает. Вопрос звучит не как создать идеальную демократию, а, скорее, так: какая степень и какая мера демократии а) возможна как таковая? б) достижима в данный момент? и в) желательна? причем с) нас не интересует то, как это касается сфер политики и мировоззрения. В указанной постановке вопроса нужно увидеть основную проблему политики как науки. Кто не понимает этого, к тому относится упрек Зомбарта, что такой человек либо настолько несведущ и некомпетентен, что не знает, что любые порядок и культура должны носить печать аристократизма, либо настолько оторван от мира и ослеплен, чтобы не осознавать, что таким образом демократическая волна несомненно постигнута в своей глубине⁴. Крупная ошибка социалистов,

² См.: Daudet Alphonse, Tartarin de Tarascon. Paris, 1887. Marpon et Flammarion. P. 40.

³ Публично это заинтересованными кругами преимущественно не признается. Напротив, в соответствии с их позицией, власть массы не знает границ. Мы обнаруживаем этот нереалистический взгляд на политические выборы у большого числа социалистических, в особенности, у социал-демократических писателей, выраженный, главным образом, более или менее иносказательно. Только социалистический чудак доктор П. Колери в Chaude-Fonds отважился высказать его в категорической форме: «Благодаря всеобщему голованию трудящиеся становятся всемогущими» (*Coulerry P. Jésus le Christ et sa Vie, sa Doctrine Morale, Politique, Economique et Sociale. Les Loix Naturelles et le Socialisme. Bienne, 1891. Schweizer. P. 303.*) Так же и в отношении партийной организации этот взгляд становится нереалистическим.

⁴ *Sombart Werner. Dennoch! P. 90; Merlino F.S. Pro e Contro Socialismo. P. 262.* — В этом отношении сильное антидемократическое движение, которое сегодня более или менее победоносно овладело большей частью стран Европы, ничего не меняет по сути. Потому что оно является только отчаянной реакцией на бесспорные недостатки и функциональные нарушения демократии, но не преодолением демократического принципа.

которая связана с их недостаточной образованностью в психологии, состоит в том, что они наряду с подчас преувеличенно мрачным пессимизмом в отношении действительности демонстрируют преувеличенно розовый оптимизм уверенности в будущем, тогда как было бы логично, если бы пессимизм, основанный на тысячелетнем духовном опыте, не давал бы возникать излишнему оптимизму в отношении будущего, и, прежде всего, реалистический взгляд не может оставить никаких сомнений в том, что при всей своей гипотетической изменчивости человеческий материал, находящийся в распоряжении социальных политиков и социальных философов, таков, что мог бы только утопистам дать повод для надежд на его основательное улучшение в обозримом будущем.

Социал-демократические партии, как и профсоюзы, являются живыми формами общественной жизни. Но они как таковые решительно сопротивляются всякому анализу своей сущности, который они воспринимают как вивисекцию. Они отвергают со всей страстью результаты, противоречащие их априорной идеологии. Но защита их позиции в высшей степени слаба. Те из их представителей, которым их научная серьезность и личная искренность мешает просто-напросто отвергать с порога наличие живых олигархических тенденций в демократии, чью форму они всегда стремятся принять, ссылаются на участвующую в этом движении молодежь, с которой можно было бы будто без околичностей присутствие атавистических остатков в менталитете ведомых масс. Также говорят, что массы будто бы заражены, так как находятся под влиянием векового рабства и непривычны к самостоятельности⁵. Но социалистический режим якобы будет быстро совершенствоваться и сделает людей вполне компетентными для руководства (Herrschaft) самими собой. Полностью

⁵ Так, в частности, полагают и теоретики синдикализма, как, по случаю обсуждения моих исследований, опубликованных на эту тему, Enrico Leone («Divenire sociale». Vol. V. Tr. 18-19), так и Adolfo Momigliano («Propaganda», in Neapel, 2. Dez. 110). Другие, как синдикалист Sergio Panunzio, итальянский судья, приняли мой тезис безоговорочно, правда, не выведя отсюда последствий по отношению к своей теории (сравни: Sergio Panunzio «Syndicalisme et Représentation Ouvrière». «Mouvement Socialiste». Année XIIe, Nr. 221). Но также и ревизионисты придерживаются этого взгляда. В длительном критическом споре с моими теориями, чью правоту он, в общем, ни в коем случае не отрицает, Фаусто Пальери приходит к выводу, что олигархические тенденции социалистического движения не являются ни в коем случае чертами будущего, а исключительно переходными формами таящегося еще в мраке движения. Это черты не старости, а юности. (См. исследование: «Oligarchia e Democrazia nell'Organizzazione Operaia» в «Critica sociale», 1 febr. 1909, Anno XIX, Nr. 3). Eduard Bernstein, который также никоим образом не глух к моим взглядам (см.

ненаучное предположение, что после овладения социалистами властью достаточно будет лишь незначительного контроля со стороны масс, чтобы обеспечить полное совпадение интересов вождей и ведомых ими масс⁶, становится в высшей степени понятным благодаря другому еще менее научному и имеющему мало общего с марксизмом предположению Геда, что как некогда христианство сделало бога человеком, так и социализм сделает человека богом⁷.

Тем временем, реальная предметная незрелость массы, как мы видели, не является преходящим явлением, которое в связи с прогрессом демократии будет упразднено на следующий день после прихода социализма. Она явствует из сущности самой массы, которая, даже и организованная, будет все же всегда аморфной, некомпетентной по отношению к комплексу решаемых ею задач в силу разделения труда, специализации и руководства со стороны. «Человеческий род жаждет, чтобы им управляли; им будут управлять. Я стыжусь за мой род», — писал Прудон в 1850 году из тюрьмы⁸. Уже отдельный человек в среднем от природы во многом склонен подчиняться руководству, и тем более, чем более специализируются функции современной жизни. Группа, состоящая из отдельных людей, ощущает потребность в руководстве в несравнимо большей мере.

Этим мы могли бы нашу научную задачу считать выполненной. Но в соответствии с объективно проделанной работой ученых может

его две статьи: «Die Demokratie in der Sozialdemokratie» и «Gewerkschaftsdemokratie» в «Sozial. Monatsheften», 1908, 1), делает мне упрек, что психологической стороне дела отдано слишком много места, не совершает ошибок марксистов и синдикалистов. Он, скорее, еще сегодня защищает реалистическое понимание будущего, которое он в 1897 году выразил в такой словесной форме, что сравнил процесс демократического самоуправления с ситуацией, характерной для процесса производства товаров: «Мы можем быть равными при входе в цех, но в самом цеху мы более не равны. Здесь инженер должен приказывать, а слесарь, токарь и т.д. — исполнять эти распоряжения. Кочегар не может работать по своему умыслу и отключать котел, когда это ему удобно», Ed. Bernstein: «Das demokratische Prinzip und seine Anwendung». «Neue Zeit», Jahrgang XIX. P. 25 [1897]). Но Бернштейн не отдает себе отчета в отношении следствий, которые вытекают из разделения труда и различий в компетенции, присущих демократическим массам. Оттого он и его друзья столь привержены такой демократии, которая с понятием демократии, каким оно возникло в головах великих мыслителей-демократов XVIII и великих мыслителей-социалистов XIX века, имеет общим название.

⁶ Trochet Léon. Socialdémocratie et Anarchisme. Discours. Bruxelles-Gand-Liége, 1902. P. 42.

⁷ Guede Jules. Le Propleme et la Solution. Paris, P. 17.

⁸ Gide Charles et Rist Charles. Histoire des Doctrines Economiques depuis les Physiocrates jusqu'à nos Jours. Paris, 1909. Laros et Tenin. P. 709.

также давать социально-педагогические рекомендации. Поэтому это еще побуждает нас высказать следующие соображения.

Логическое следствие содержащихся в этой книге положений состоит, конечно, не в том, чтобы отныне вообще отказаться от всякого исследования проблемы пределов олигархической власти (государство, господствующие классы, вождизм и т.д.) над индивидуумами и отречься от безнадежных попыток ломать себе голову в попытках устроить общество в соответствии с возможностью полной реализации теории народного суверенитета. Вместо этого нужно было — мы уже сказали это в начале — указать новые пути. Нам только показалось необходимым указать на вероятность того, что эта проблема будет решаться историей в пессимистическом духе, независимо от того, является ли демократия идеалом и в какой мере нужно отказаться от того, чтобы выступать по отношению к человеческой истории не иначе как с этической меркой, с помощью которой можно было бы измерить имманентно присущую любому общественному строю олигархию во всех ее полутонах и нюансах; другими словами, мы пытались поставить вопрос, является ли демократия идеалом, который мог бы иметь реальное значение. В наш замысел только входило развеять некоторые легкомысленные и поверхностные иллюзии, которые затуманивают науку и вводят массы в заблуждение; в то же время как мы осветили некоторые социальные тенденции, которые противодействуют возможности установления власти реальной демократии и, естественно, в еще большей мере, социализма. Но все же было сказано, что для максимально возможного ослабления олигархических тенденций было бы полезным каждое преисполненное подлинно демократического духа или пролетарско-революционное движение. Правда, мы увидели, что также и в его недрах достигли зрелости тенденции, из необходимости борьбы с которыми оно выводит право на свое существование, и что оно при всей несоизмеримости и неравноценности элементов; из которых состоит, и даже легко принимает формы, которые граничат с тиранией и не становятся этически приемлемыми и не действуют менее отталкивающе оттого, что противопоставляют старому, традиционному легитимизму властей новый, похожий на парвеню, брутальный плебисцитарный бонапартизм. Профилактические мероприятия против олигархии несерьезны. Если хотят упразднить законы господства вождей, то постепенно смягчают законы, но не вождей. Но, возможно, кроется, даже если и не исцеление, то все же опре-

деленное смягчение олигархической болезни в самом принципе демократии. Когда Виктор Консидеран разъяснил свой «демократическо-пацифистский» социализм с помощью той формулы, что это слово означает не господство низших классов народа, а управление и организацию общества во всеобщих интересах посредством иерархического участия увеличивающегося — в соответствии со степенью социального развития — числа граждан⁹, то он, тем самым, очень верно подчеркнул существенный момент возможности такого смягчения. В существе демократии заключено развивать и стимулировать в индивидуальности его духа к критике, тогда как, с другой стороны, бюрократизация ее форм вновь в высшей степени уничтожает эту способность контроля. Именно рабочее движение порождает в наибольшей степени благодаря теоретическим положениям, с которыми оно выступает и которые оно защищает во многом даже против воли своих вождей, ряд свободных индивидуумов, которые из принципа или инстинкта все вновь и вновь будут «подвергать ревизии» авторитеты и не устанут повторять в целях познания или в силу темперамента вечные вопросы о последних «почему» всех человеческих установлений. Эта предрасположенность к свободному исследованию, в котором мы должны увидеть одно из бесценнейших элементов культуры, усилится с обеспечением и улучшением экономических условий жизни масс, как и благодаря растущей доступности источников образования. Более высокое образование означает более высокую способность к критике, что можно наблюдать уже сегодня в том, что вождь богатых располагает менее необъятной властью над своими товарищами по классу, чем вождь бедных, которые, взятые в своей массе, противостоят своему вождю большей частью с полной беспомощностью, потому что их узкое формальное образование не дает им возможности критически оценить его и осознать значение его действий. Главная работа по возможному ослаблению олигархических тенденций в любом рабочем движении лежит в области социальной педагогики.

Историческая необходимость олигархии как явления ни в коем случае не освобождает демократов от необходимости борьбы с нею. Старые товарищи превращаются с большей вероятностью в вождей в социологическом смысле слова. Но оставить их без контроля и отст-

⁹ *Considèran Victor. Principes du Socialisme. Manifeste de la Dيمقратie au XIX-e siècle. Paris, 1847. Libr. Phalanstirienne. P.53.*

раниться от всякой политической деятельности в скорби и досаде не только нанесло бы вред идее организации, без которой, как мы уже отметили в самом начале, сегодня не мог бы обойтись ни один социальный слой и, менее всего, — самый слабый в финансовом отношении, но также позволило бы власти вождя увеличиться в неограниченном масштабе. С другой стороны, хотя более ясный и незамутненный взгляд на олигархические опасности демократии и не в состоянии воспрепятствовать им, но он все же сможет уменьшить их.

Задача отдельного человека должна, следовательно, быть подобна задаче искателя сокровищ, который был отправлен своим умирающим отцом на поиск якобы зарытого им в землю клада: клада, правда, не оказалось, но благодаря его поискам земля была обработана и стала более плодородной. Стремление к демократии не может дать никаких других плодов.

Любой обстоятельный анализ форм, в которых сегодня проявляется демократия, должен, конечно же, обескуражить идеалиста и вызвать в нем чувство разочарования. Возможно, что только это мировоззрение, не утешающее дилетантов с их мировой скорбью, с безусловностью признает относительность всех научных и политических идеалов и позволяет выносить о демократии справедливое суждение. Кто хочет оценить демократию по достоинству, тот должен определить ее значение только посредством *tertium comparationis* с чистой аристократией. Имманентные недостатки демократии нельзя не осознавать. Несмотря ни на что, демократия как форма есть меньшее зло. Идеалом была бы аристократия нравственно возвышенных и технически компетентных людей. Но их где найти? Иногда — но редко — благодаря отбору, но почти никогда там, где господствует принцип наследственности. Поэтому монархия как таковая есть в своей основе извращение, теоретически более дурное и, прежде всего, более неизлечимое, чем диктатура демагогов, в чьем хилом теле все же обитает здоровый и оттого не исключающий выздоровление тела дух. Поэтому, чем яснее человечество, невзирая на приобретаемые только благодаря хорошему воспитанию, но лишь формально и только отдельными личностями качества, в отношении которых аристократия всегда является образцом для демократии и подражать которым демократия или пренебрегает, или искажает их и будет их превращать в парадокс, осознано выгоды, которыми обладает даже несовершенная демократия по сравнению с относительно хорошо функционирующей ари-

тократической системой, тем в меньшей степени взгляд на недуги демократии может стать поводом для возврата к аристократии, тем более что недуги демократии состоят, помимо так называемого господства масс, не иначе как в неотделимых от нее шлаках (unverdußerlichen Schlacken) аристократизма.

Демократические движения в истории сопоставимы с нестихающими ударами волн. Они всегда разбиваются при прибое. Но они ударяют вновь и вновь. Зрелище, которое они собой представляют, содержит в себе элементы, одновременно ободряющие и приводящие в отчаяние. Коль скоро демократия достигает определенной стадии своего развития, то начинается процесс ее вырождения, она наполняется аристократическим духом, иногда даже принимает и форму аристократии и становится похожей на то, чему она некогда объявляла войну. Потом в ее лоне появляются новые критики, которые обвиняют ее в олигархичности. Но после периода славных битв и бесславного участия во власти они также входят в старый господствующий класс. И вновь против них поднимаются с именем демократии на устах новые борцы за свободу. И этой жестокой игре между неизлечимым идеализмом молодежи и несокрушимым господством старого поколения нет конца. Новые волны беспрерывно режут все в том же прибое. Это глубоко внутренняя черта истории партий.

Перевод А. Б. Рахманова

СХЕМА ЭТИОЛОГИИ ОЛИГАРХИИ В ПАРТИЯХ ПРИ ДЕМОКРАТИИ

